

Трагедия вайнахских народов 1944 года и административно-территориальные последствия их депортации

Идалов Шамхан Тимурович

Аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: isshamkhan@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [3715-1668](https://elibrary.ru/3715-1668)

Аннотация

В статье рассматриваются причины депортации вайнахов 23 февраля 1944 года, анализируется политика советского руководства в отношении чеченцев и ингушей в период их проживания за пределами своей родины, изучаются административно-территориальные последствия депортации. Период 1944–1957 гг. имеет колоссальное значение для формирования исторической памяти вайнахских этносов. В 2004 году, 60 лет спустя после начала депортации, Европарламент принял резолюцию, в которой депортация вайнахов была признана актом геноцида (п.15)¹. При анализе хода выселения чеченцев и ингушей, их положения в период их проживания на территории Казахской и Киргизской ССР, а также последствий произошедшего используется широкий круг источников: официальные отчеты, материалы текущего делопроизводства, письма, нормативные правовые акты и др. В результате можно заключить, что применение принципа коллективной ответственности к вайнахам было необоснованным, а методы, использованные в организации переселения, и условия, в которых оказались сосланные, можно рассматривать как преступление против человечности. В статье подробно раскрываются факторы, совокупность которых обусловила принятое советским руководством решение. Кроме того, отмечены административно-территориальные изменения, произошедшие в 1944–1957 гг., и их последствия, выражающиеся в создании серьезных межнациональных противоречий, вылившихся в открытое вооруженное столкновение. В качестве яркого примера приводится осетино-ингушский конфликт, который до сих пор не урегулирован.

Ключевые слова

Депортация, вайнахи, чеченцы, ингуши, геноцид, И.В. Сталин, Л.П. Берия, СССР, ЧИАССР.

Tragedy of the Vainakh Peoples in 1944 and Administrative-Territorial Consequences of Their Deportation

Shamkhan T. Idalov

Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: isshamkhan@mail.ru

Abstract

The article describes the reasons for the Vainakhs deportation on February 23, 1944, the Chechens and Ingush policy of the Soviet governance while living outside their homeland and analyses the administrative and territorial consequences of the deportation. 1944–1957 is a period of great importance for forming the Vainakh ethnic groups historical memory. In 2004 after 60 years of the beginning of the deportation, the European Parliament resolution was adopted, and paragraph 15 recognized the Vainakhs deportation as an act of genocide. The research relies on a wide range of sources analyzing the course of the Chechens and Ingush eviction, their conditions while living in the Kazakh and Kirghiz SSR, and the consequences of the deportation (official reports, letters, regulatory legal acts, etc.). As a result, it may be concluded that the application of collective responsibility principle to the Vainakhs was unreasonable, the methods used in organizing the eviction and the conditions in which the deportees were located can be considered as a crime against humanity. The article reveals the detailed factors which determined the Soviet leadership decision. In addition, it describes the administrative and territorial changes that occurred in 1944–1957 and their consequences, expressed in the creation of serious interethnic contradictions, and the armed clash as a result. As an example the Ossetian-Ingush conflict is described, which has not been resolved yet.

Keywords

Deportation, Vainakh, Chechen, Ingush, genocide, I.V. Stalin, L.P. Beria, USSR, Checheno-Ingush ASSR.

Введение

Период середины XX века можно считать ключевым при изучении развития чеченского и ингушского этносов в рамках советской государственности. Судьбоносным является 1944 год, когда советское руководство приняло решение о депортации вайнахских народов из Чечено-Ингушетии (Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики, ЧИАССР) на территорию Центральной Азии.

¹ European Parliament recommendation to the Council on EU-Russia relations // European Parliament [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-5-2004-0121_EN.html (дата обращения: 04.07.2022).

Актуальность изучения вопроса сталинских репрессий в отношении вайнахов обусловлена двумя факторами. Во-первых, трагедия 1944 г. играет ключевую роль в формировании исторической памяти вайнахов. Если с момента начала Кавказской войны прошло более двухсот лет и, несмотря на это, многие кавказские народы помнят о событиях того времени, то с 1944 года не прошло и ста лет, и память об этой трагедии еще совсем свежа. Депортация имела значение и в иных аспектах: она оказала существенное влияние на отношение значительной части этносов СССР к «народам-предателям», а последовавшие за депортацией административно-территориальные изменения послужили одной из причин возгорания будущих этнических конфликтов, в частности осетино-ингушского, предыстории которого посвящено наше отдельное исследование [Исаев 2022].

Тема депортации чеченцев и ингушей была закрытой на протяжении почти всего существования Советского Союза. До середины 1950-х гг., когда прозвучали первые половинчатые хрущевские разоблачения, из общественного и государственного обихода в СССР были исключены не только сведения о депортированных и депортациях, но и сами упоминания о них [Козлов и др. 2010, 639].

Несмотря на то, что в мировой практике депортация признается преступлением против человечности², некоторые публицисты, касаясь рассматриваемой проблемы, открыто заявляют о допустимости и справедливости применения принципа коллективной ответственности, оправдывая сталинские репрессивные методы³. С целью опровержения подобных взглядов необходимо комплексно и детально раскрыть причины депортации, а также проанализировать ее результаты, в том числе административно-территориальные последствия.

Депортация вайнахов: причины и ход

Существует два основных подхода к вопросу о причинах депортации. Первый — официальная версия советского руководства — объясняет депортацию тем, что чеченцы и ингуши массово сотрудничали с немецкими оккупантами и вели антисоветскую деятельность, сопряженную с бандитизмом. Сторонники второго подхода, противоположного первому, отрицают факты коллаборационизма вайнахских этносов, данные относительно бандитизма среди этих народов считают сфабрикованными НКВД, депортацию объясняют личной неприязнью И.В. Сталина по отношению к чеченцам и ингушам. Проанализировав оба подхода, считаем необходимым сформулировать третью точку зрения, частично интегрирующую положения указанных выше позиций.

Действительно, на территории Чечено-Ингушской АССР формировались вооруженные группы, которые вели, по сути, антисоветскую деятельность. Но причины этого явления носили достаточно сложный характер.

Во-первых, в основе антисоветской деятельности лежала идея национального освобождения и выхода из состава Советского Союза. Тут следует отметить, что освободительное движение на Северном Кавказе началось еще в конце XVIII века в период деятельности первого, по крайней мере известного, кавказского революционера Шейха Мансура (чеченца по национальности),

² Римский статут Международного уголовного суда (Вместе с «Пособием для ратификации и имплементации...») (Принят в г. Риме 17.07.1998 Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда). ст. 7 // Zaki [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1061> (дата обращения: 04.07.2022).

³ См., например: Подводя итоги // LiveJournal [Электронный ресурс]. URL: <https://pyhalov.livejournal.com/296347.html> (дата обращения: 04.07.2022).

и до настоящего времени нельзя сказать, что идеи национального освобождения полностью искоренились на Северном Кавказе. Даже сегодня в некоторых зарубежных исследованиях Чечню причисляют к «de facto states» [Smetana, Ludvik 2019, 2].

Во-вторых, советское государство воспринималось многими представителями северокавказских этносов как имперское, продолжение дореволюционного. При этом политика советского руководства была существенно более жесткой, чем в дореволюционный период. Она носила антирелигиозный характер, что вызывало крайне болезненную реакцию северокавказских народов, во многом придерживавшихся традиционного общественного уклада [Исаев 2022, 165]. Репрессии, зачастую носившие незаконный (даже в рамках советской системы) характер, порождали стремление к ответным действиям, а в условиях сохранившихся обычаев кровной мести создавало почву для эскалации насилия. Ненависть переносилась с отдельных представителей силовых структур на всю систему управления в целом. При этом имелись попытки привлечения виновных к ответственности и в рамках правового поля⁴.

В-третьих, даже данные официальной статистики о ликвидации антисоветских банд на территории Чечено-Ингушетии не дают оснований говорить об участии всего вайнахского народа в подобных формированиях. Суммарное количество участников указанных формирований составило за все время войны всего несколько тысяч человек, что несопоставимо с общей численностью депортированных чеченцев и ингушей⁵. При этом, несмотря на участие отдельных групп вайнахов в антисоветской деятельности, десятки тысяч представителей данных народов воевали в годы Великой Отечественной войны в составе Красной армии. Около 9 тысяч чеченцев и ингушей находились на службе в частях РККА в 1941 г., и еще 30–40 тысяч влились в ее ряды в течение двух лет войны. В обороне Брестской крепости участвовали 420 выходцев из Чечено-Ингушетии, из которых 270 были горцами [Ахмадов, Хасмагомадов 2005, 790]. За подвиги, совершенные во время войны, 147 уроженцев Чечено-Ингушетии были представлены к званию Героя Советского Союза, 36 из них были удостоены этого звания. При этом в наградных документах вайнахи значились как представители других национальностей (Хаваджи Магомед-Мирзаев был записан татарин, Ирбайхан Бейбулатов — кумыком, Хансултан Дачиев — осетином, Ханпаша Нурадилов — азербайджанцем, национальность Абухаджи Идрисова вообще не была указана). В то же время из 110 уроженцев Северной Осетии, представленных к званию Героя, удостоились этой чести 75 бойцов [Там же, 793–794].

В целом необходимо отметить, что антисоветские настроения в среде чеченцев и ингушей и участие различных групп этих народов в антисоветской деятельности послужили не единственной и, возможно, не главной причиной депортации. По нашему мнению, истинные причины выселения чеченцев и ингушей заключались в том, что вайнахи были очень «неудобными» народами для советской системы и сплоченные, ментально сильные, воинственные вайнахские народы со строгим и традиционным укладом абсолютно не вписывались в нужную коммунистам патерналистскую систему построения советского общества. Схожая оценка причин произошедшего также справедливо отмечена и зарубежными исследователями [Goff, Siegelbaum 2019, 80].

⁴ Докладная записка заведующего группой писем А. Андреева и старшего референта Ф. Калистратова председателю Совета министров СССР Н.А. Булганину о расследовании фактов расстрела в 1943 году работниками НКВД граждан чеченской и ингушской национальности от 23 мая 1957 г. ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 5066. Л. 93–94. Подлинник.

⁵ Справка начальника УМВД Грозненской области Дементьева об экономическом и политическом состоянии бывшей Чечено-Ингушской АССР с 1937 по 1944 г. от 27 августа 1956 г. ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д.925. Л. 3–20. Заверенная копия.

Сама депортация чеченцев и ингушей началась в ночь с 22 на 23 февраля 1944 года и проходила в течение 8 дней. При этом за день до указанных событий Л.П. Берия лично встречался с руководством ЧИАССР и высшими духовными лидерами, предупредив их о том, что в 2 часа ночи начнется депортация, и предложив подготовить население к беспрекословному подчинению властям.

В телеграмме, адресованной И.В. Сталину, Л.П. Берия пишет: «Мной был вызван председатель Совнаркома Моллаев, которому сообщил решение правительства о выселении чеченцев и ингушей и мотивах, которые легли в основу этого решения. Моллаев после моего сообщения прослезился, но взял себя в руки и обещал выполнить все задания, которые будут ему даны в связи с выселением. Затем в Грозном вместе с ним были намечены и созваны 9 руководящих работников из чеченцев и ингушей, которым было объявлено о ходе выселения чеченцев и ингушей и причинах их выселения. Им было предложено принять активное участие в доведении до населения решения правительства о выселении, порядок выселения, условия устройства в местах нового расселения, а также были поставлены задачи:

Во избежание эксцессов призывать население к неуклонному выполнению распоряжений работников, возглавляющих выселение...

Кроме того, мною проведена беседа с наиболее влиятельными в Чечено-Ингушетии высшими духовными лицами Арсановым Баудином, Яндаровым Абдул-Гамидом и Гайсумовым Аббасом, которым также было объявлено о решении правительства и, после соответствующей обработки, предложено провести необходимую работу среди населения через связанных с ними мулл и других местных «авторитетов».

Перечисленные духовные лица в сопровождении наших работников уже приступили к работе с муллами и мюридами, обязывая их призывать население к подчинению властям. Как партийно-советским работникам, так и духовным лицам, используемым нами, обещаны некоторые льготы по переселению (несколько будет увеличена норма разрешенных к вывозу вещей)... С двух часов ночи на 23 февраля все населенные пункты будут оцеплены, заранее намеченные места засад и дозоров будут заняты опергруппами с задачей воспрепятствовать выходу населения за территорию населенных пунктов. На рассвете мужчины будут созваны нашими оперработниками на сходы, где им на родном языке будет объявлено решение правительства о выселении чеченцев и ингушей. В высокогорных районах сходы созываться не будут в силу большой разбросанности населенных пунктов»⁶.

Стоит отметить, что процесс депортации усложнялся тяжелыми погодными условиями, связанными с обильным снегопадом 23 февраля, в связи с чем транспортировка жителей, особенно с высокогорных районов, не представлялась возможной. С указанной ситуацией связаны события, предположительно имевшие место в ауле Хайбах Галанчожского района. Согласно утверждениям некоторых авторов, по приказу полковника НКВД М. Гвишиани свыше 700 «нетранспортабельных» больных и престарелых жителей завели в конюшню, обложили сеном и заживо сожгли [Татаева 2019, 147]. Данный инцидент расследовался в 1990-х годах чрезвычайной комиссией под руководством известного общественного деятеля С.С. Кашурко. До настоящего времени указанный факт юридически подтвердить не удалось, но, возможно, в дальнейшем будет проведено дополнительное расследование изложенных событий.

⁶ Докладная записка наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии И.В. Сталину об организации проведения выселения чеченцев и ингушей от 22 февраля 1944 г. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 166–166 об. Заверенная копия.

Попытка советизации вайнахов путем слома основ их самосознания оказалась неудачной. В результате выселения эти народы еще сильнее консолидировались и закрылись от внешних, «чужих» общностей. При этом репрессивные меры 1944 г. чеченцы и ингуши воспринимали во многом сквозь призму этнического конфликта — как враждебную политику русского государства, направленную против нерусских народов. Если ингуши в конце XVIII–начале XIX века вполне позитивно встретили российскую экспансию [Исаев 2022, 161], то спустя 100–150 лет отношение к русской (советской) государственности стало крайне враждебным. Разумеется, на подобное восприятие повлияли и события Кавказской войны XIX в.

По прибытии в места поселения вайнахи должны были выжить любой ценой в новых достаточно сложных и враждебных условиях. Местное население Казахской и Киргизской ССР относилось к переселенцам подозрительно, порой враждебно. Это можно объяснить и советской пропагандой, которая объявила вайнахов врагами народа, а также тем, что переселенцы, вынужденные вести борьбу за выживание, допускали различные формы криминального поведения. Сложность условий заключалась в первую очередь в нехватке продуктов питания. Незначительные запасы продовольствия, которые люди успели взять с собой, быстро закончились, а Киргизия и Казахстан сами страдали от неурожая. Кроме того, переселенцам запрещалось покидать места своего расселения более чем на 3 км, дважды в месяц они должны были отчитываться комендантам. Естественно, вайнахи отвергали навязываемые правила и систематически их нарушали, вступая в многочисленные конфликты с местным населением и властью, что приводило к большому количеству уголовных дел.

В целях этнического самосохранения вайнахи провозгласили жесткий запрет на смешанные браки. Еще больше окреп обычай помощи неимущим семьям, безмужним, больным и сиротам. Одним из распространенных видов трудовой взаимопомощи был «белхи» — помощь всем миром [Исакиева, Гайрбеков 2020, 77].

В борьбе за выживание вайнахи использовали и все способы привычного агрессивного диалога с властью и этническими конкурентами. Известный историк В.А. Козлов, заместитель директора и руководитель Центра изучения и публикации документов Государственного архива Российской Федерации в 1992–2013 гг., следующим образом описывает складывавшуюся в чрезвычайных условиях ситуацию: «Когда голод становился смертельным, вспоминают очевидцы, собиралась община, и старший предлагал любой ценой достать корову или лошадь, чтобы спасти жизнь остальным. Тогда находился кто-то, кто сознательно шел на такой грабеж. Потом его сажали в тюрьму отбывать срок, порой он пропадал без вести, но все знали, что он пошел на это, чтобы сохранить им жизнь» [Козлов и др. 2010, 699].

Таким образом, власти на местах и НКВД столкнулись с еще более сплоченным и консолидированным этническим сообществом, отношение с которым необходимо было хоть в какой-то степени нормализовать, разумеется, путем проведения соответствующей работы с элитами чеченцев и ингушей, которые обладали определенным авторитетом. Использовать бывших партийно-советских руководящих лиц ликвидированной республики уже было проблематично, учитывая, что, во-первых, многие из них сами разочаровались в советской власти, во-вторых, в них самих разочаровалось вайнахское общество, так как те не убергли их от произошедшего.

Определенные возможности влияния на вайнахов открывались в ходе работы с религиозными деятелями и старейшинами тейпов. Сама суть проводимой работы не менялась: разделить сообщество на лояльных и оппозиционных, первых — подкупить благами, вторых — изолировать, в случае сопротивления — уничтожить.

Органами МВД в целях хозяйственного устройства и закрепления переселенцев в местах поселения было привлечено 170 мулл и других религиозных авторитетов. Лояльные элиты агитировали чеченцев и ингушей за укрепление трудовой дисциплины и добросовестное отношение к общественному труду⁷.

Проводимая работа принесла свои плоды. Спустя два года после выселения и конфессиональная элита, и все вайнахское общество осознали, что в ближайшее время возвращения на родину ждать не стоит и необходимо обзавестись домами, работой, при этом постоянные конфликты с властями и местным населением ни к чему хорошему не приведут. Подобная тенденция не могла не радовать местные власти, которые с удовлетворением докладывали в Москву об изменениях в настроении переселенцев. «Опубликование закона об упразднении Чечено-Ингушской АССР, — говорилось в одном из докладов, — большинством спецпереселенцев — чеченцев и ингушей встречено как мероприятие, окончательно исключающее перспективу их возвращения к местам прежнего жительства, в связи с чем они делают вывод о необходимости быстрее устраиваться на постоянное жительство в местах нового поселения»⁸.

Разумеется, миролюбивые высказывания вайнахов в значительной мере носили демонстративный характер, были рассчитаны на то, чтобы создать у Кремля впечатление о превращении высланных в смиренных и лояльных советской власти людей с «правильным» мнением обо всем произошедшем в феврале 1944 г. На самом деле отношение чеченцев и ингушей к советской власти ничуть не менялось.

Таким образом, местные власти и вайнахи пришли к определенному компромиссу, в рамках которого открывалась возможность наладить относительно нормальную жизнь чеченцев и ингушей в новых для них местах. «В результате совместной “притирки”, — отмечает В.А. Козлов, — были выработаны неписанные правила сосуществования, основой которых было признание “лояльных мулл” и родовых авторитетов неофициальными представителями этноса в его контактах с властью, относительное невмешательство во внутреннюю жизнь и внутренние конфликты вайнахского сообщества, либеральное отношение к несанкционированным перемещениям (побегам) спецпоселенцев внутри районов ссылки. Местные полицейские чиновники сквозь пальцы смотрели на массовое воссоединение вайнахских семей в Киргизии и Казахстане, связанные с этим побеги и нелегальные переезды к родным и односельчанам. Тем самым молчаливо санкционировалось восстановление тех социальных структур, которые существовали до депортации, упрочение тейповых связей, воспринимавшихся чиновниками как особый инструмент мягкого контроля над поведением этноса.

Но фактически религиозные авторитеты всего лишь дали чеченцам и ингушам санкцию «выживать» и не связываться с властью без их команды. Они не выпустили из своих рук рычагов контроля. Позиция по отношению к внешнему миру оставалась старой. “Мы — вайнахи” все так же резко противостояло чужеродному и враждебному “Они”. Свои особые праздники, общение в своем кругу, переселенческие бригады (гордость отчетов НКВД!), которые трудятся ударно, но состоят исключительно из одних чеченцев и ингушей, требование создать “свои”, чеченские, колхозы... В свою очередь достаточно скоро выяснилось, что относительно сдержанная позиция

⁷ Из докладной записки министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова И. В. Сталину, Л. П. Берии, А. А. Жданову, А. А. Кузнецову о работе с мусульманскими религиозными авторитетами от 15 ноября 1946 г. № 5209/к. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 139. Л. 378–380. Заверенная копия.

⁸ Из докладной записки министра внутренних дел С. Н. Круглова И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. П. Берии, А. А. Жданову о реакции спецпереселенцев на упразднение Чечено-Ингушской и Крымской АССР от 15 августа 1946 г. № 3826/К. ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 265. Л. 82–87. Заверенная копия.

местных органов НКВД по отношению к спецпоселенцам была локальной импровизацией, а совсем не политикой центральной власти, отступлением от “генеральной линии”, а не ее воплощением в жизнь» [Там же].

В конце 1940-х годов произошли изменения в политике местных властей по отношению к вайнахам, обусловленные новым послевоенным курсом И.В. Сталина, направленным на ужесточение политического режима. Так, Советом Министров СССР было принято постановление № 418–161сс от 21 февраля 1948 г. «О ссылке, высылке и спецпоселениях»⁹, в соответствии с которым устанавливался точный учет всех поселенцев, ужесточались меры по пресечению побегов из мест поселения и устанавливался надзор над поселенцами. В то же время активно проводилась работа по выявлению оппозиционных, враждебно настроенных элементов и усиливалась борьба с ними. Главная роль в этой борьбе отводилась МГБ СССР. Кроме того, были организованы соответствующие проверки местных органов МВД сотрудниками центрального аппарата этого ведомства. Результаты проверок крайне не понравились Москве. В одной из записок о результате проведенных проверок говорилось: «Министры внутренних дел республик, начальники УМВД по краям и областям устарились от непосредственного руководства работой среди спецпоселенцев и передоверили ее второстепенным лицам... последние вследствие отсутствия руководства и контроля в ряде случаев довели ее до полного развала... Административный надзор за спецпоселенцами в местах их расселения осуществлялся слабо. Агентурно-оперативные и профилактические мероприятия по предупреждению побегов спецпоселенцев проводились формально. Вследствие этого имело место большое количество побегов... Контроль за обязательной явкой глав семейств спецпоселенцев в спецкомендатуры для регистрации отсутствовал»¹⁰.

Вышеперечисленные обстоятельства затруднили проведение нового репрессивного курса И.В. Сталина, а принятый в 1948 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» не мог быть реализован без четкого учета переселенцев.

Вместе с тем среди ведомств наметились определенные разногласия относительно того, что следует понимать под побегом переселенцев. Если МВД и прокуратура в исключительных случаях допускали переселение депортированных (в частности к родным), то МГБ под побегом понимало абсолютно любую самовольную отлучку с мест расселения и всех подобных преступников предлагало подвергать репрессиям.

Хотя местные власти неохотно выполняли вышеуказанные требования, продолжая формально относиться к работе по учету переселенцев и контролю над ними, центральные органы принялись за дело самым серьезным образом и в течение февраля–марта 1949 г. провели поголовный учет-перепись всех выселенцев и спецпоселенцев в местах их расселения¹¹. При этом проводилась активная и вполне успешная работа по розыску лиц, отсутствующих в местах поселения.

⁹ Из справки начальника Отдела спецпоселений МВД СССР В.В. Шияна о состоянии работы МВД—УМВД республик, краев и областей среди спецпереселенцев от 1 июня 1948 г. ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 434. Л. 8-32. Подлинник.

¹⁰ Из справки начальника Отдела спецпоселений МВД СССР В.В. Шияна о состоянии работы МВД—УМВД республик, краев и областей среди спецпереселенцев от 1 июня 1948 г. ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 434. Л. 8-32. Подлинник.

¹¹ Согласно приказу № 067 МВД СССР от 7 февраля 1949 г. «О проведении переучета выселенцев-спецпоселенцев», следовало «в двадцатидневный срок с 20 февраля по 10 марта 1949 г. провести переучет выселенцев-спецпоселенцев, расселенных на территории республики, края, области... путем заполнения специальной анкеты на каждого взрослого...» (ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 207. Т. III. Л. 7 об.). Результаты переписи спецпоселенцев на территории Казахской ССР — ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 482. Л. 1–6; Киргизской ССР — ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 483. Л. 1–6.

Окрыленное успехом, руководство МВД СССР в своих отчетах представляло И.В. Сталину идеальную картину, заявляя, что все трудоспособные «заняты на работах в сельском хозяйстве и различных отраслях промышленности и строительства», 2679 спецкомендатур неусыпно «осуществляют административный надзор и контроль за соблюдением режима, принимают меры к недопущению самовольных выездов... организуют розыск и задержание бежавших, производят регистрацию и отметки о явке выселенцев и спецпоселенцев в спецкомендатуры, следят за трудовым использованием выселенцев» [Там же, 705].

Однако И.В. Сталин, вероятно, не особо верил докладам МВД, да и жесткая позиция МГБ была ему ближе, в связи с чем он дал указание передать органам госбезопасности «всю работу по спецпоселенцам и выселенцам, включая и работу по их трудовому устройству»¹². Но силовой нажим на депортированные народы, предпринятый в 1948–1949 гг., так и не создал системы тотального контроля над этими группами населения, зато разрушил спонтанно возникавший механизм «косвенного управления», ослабил агентурную сеть и связи властей с религиозными авторитетами [Там же, 706].

После того, как МГБ принялось за наведение порядка, выяснилось, что ранее направлявшиеся в центр отчеты МВД СССР не отражали действительной ситуации на местах. Вайнахи продолжали оставаться консолидированным сообществом, тейповые связи крепили, отношение к русским продолжало оставаться недоверчивым и враждебным.

Если на стадии передачи дел и вскоре после начала работы МГБ могло свалить всю ответственность на своих предшественников, то через некоторое время ему пришлось признать свое бессилие: «В борьбе с уголовными проявлениями среди чеченцев и ингушей встречаются серьезные трудности, обуславливаемые пережитками родового и «тейпового» характера и религиозным панисламистским фанатизмом, что создало между ними сильную круговую поруку, подкуп и провокацию. Все это крайне затрудняет проведение документации как по совершенным, а также и готовящимся преступлениям»¹³.

Таким образом, сталинскому режиму так и не удалось добиться тотального контроля над вайнахским обществом. Попытка слома традиционных общественных структур также оказалась неудачной, напротив, вайнахи еще сильнее консолидировались и обозлились. При этом они вряд ли полагали, что спустя 4 года после смерти Сталина они смогут вернуться на родину, но уже с иными территориальными границами, и в этом отношении ингушам повезет меньше.

Административно-территориальные последствия депортации вайнахов

После депортации 1944 г. на Северном Кавказе произошли серьезные изменения административно-территориальной структуры. На наш взгляд, они подтверждают версию, что в основе политики Сталина по отношению к народам региона лежали определенные этнические симпатии и антипатии. В частности, просматривается его проосетинская позиция.

После депортации вайнахов Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована. На месте ее центральной части был образован Грозненский округ в составе Ставропольского края РСФСР. Веденский, Ножай-Юртовский, Саясановский, Чеберлоевский, а также Курчалоевский и Шароевский районы, за исключением северо-западных частей последних двух районов, были включены в состав Дагестанской АССР. Итум-Калинский район, западная часть Шароевского района, южные части Галанчожского, Галашкинского и Пригородных районов были присоединены к Грузинской

¹² ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 347.

¹³ Из справки 9-го управления МГБ СССР на спецпоселенцев по контингентам от 1952 г. ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 768. Л. 96–208. Подлинник.

СССР. В состав Северо-Осетинской АССР вошли город Малгобек, Ачалуковский, Назрановский, Пседахский районы, Пригородный район за исключением его южной части, а также западная часть Сунженского района¹⁴.

Одновременно началось заселение опустевших земель Чечни и Ингушетии. В ту часть бывшей ЧИАССР, которая была присоединена к Северной Осетии, переселялись жители как из самой Северной Осетии, так и осетины из Грузии и Южной Осетии. По разным данным, от 25 до 35 тыс. осетин были переселены из Грузии в бывшую Ингушетию. При этом нельзя сказать, что переселение шло исключительно на добровольной основе, учитывая, что руководство того или иного района должно было выполнить определенный спущенный сверху план по переселению нужного количества людей. Вместе с тем государство предоставляло в распоряжение переселенцев безвозмездно «казенные» (то есть оставленные ингушами) жилье и скот, которые переходили в собственность переселенца по истечении пяти лет работы в данном колхозе [Цуциев 1998, 71–72].

Говоря о советской национальной политике как факторе нарастания этнических противоречий, в том числе осетино-ингушских, можно предположить, что не только указанные административно-территориальные сдвиги послужили причиной складывания будущих конфликтов. Сам факт депортации оказал серьезнейшее психологическое влияние на отношение недепортированных народов, в частности осетин, к «народам-предателям», в том числе ингушам. «Граничащее с Чечено-Ингушетией население отнеслось к выселению чеченцев и ингушей одобрительно. Руководители советских и партийных органов Северной Осетии и Дагестана и Грузии уже приступили к работе по освоению отошедших к этим республикам районам», — писал Л.П. Берия в своей телеграмме, направленной И.В. Сталину¹⁵. Неудивительно, что между народами Советского Союза наметились новые линии разделения, начало нарастать напряжение, на этот раз в связи с фактом депортации.

В контексте административно-территориальных изменений также следует отметить, что в состав ЧИАССР при ее восстановлении в 1957 году были включены населенные казаками и частично ногайцами Шелковской, Каргалинский и Наурский районы. Эти районы до 1944 г. входили в состав Ставропольского края, затем Грозненского округа. При этом Пригородный район (кроме Джераховского ущелья) по каким-то причинам остался в составе Северной Осетии. Чем руководствовалось советское руководство в ходе подобных территориальных перераспределений, однозначно утверждать сложно. Осетинский историк А.А. Цуциев полагает, что Пригородный район был сохранен за Северной Осетией, поскольку «экономически слился с Владикавказом». Видимо, сходные аргументы использовались в отношении казачьих районов, «тяготеющих к Грозному» и включенных в ЧИАССР. Однако в целом, как представляется, сыграло роль несколько факторов. Сохранение Пригородного района в составе Северной Осетии может быть объяснено частично тем, что именно здесь были расселены в 1944–1945 гг. осетины из Грузии (селения Сунжа, Комгарон, Тарское, Камбилеевское). Вероятно, их возвращение в Грузию в 1957 г. показалось властям еще большей проблемой. Пригородный район стал неким резерватом для переселенцев-осетин: сначала в Ингушетию, затем из Ингушетии. Кроме того, возможно, сыграли роль пропагандистские факторы — стремление представить территорию со смешанным населением как «район осетино-ингушской дружбы».

¹⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» от 7 марта 1944 г. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 208. Л. 51–54. Подлинник

¹⁵ Донесение наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии И.В. Сталину о завершении операции по выселению чеченцев и ингушей от 29 февраля 1944 г. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 161–161 об. Заверенная копия.

Что касается казачьих районов Шелковского, Каргалинского и Наурского, то их включение в состав ЧИАССР хотя и выглядит как «территориальная компенсация» за утерю ингушами Пригородного района, но на практике «компенсация» оказалась не совсем «по адресу». Эти казачьи районы примыкают к чеченским Надтеречным районам и стали сферой иммиграции и освоения именно чеченским, а не ингушским населением. Ингуши же предпочитали возвращаться в Пригородный (теперь уже осетинский) район. Очевидно, что, несмотря на идеологические обещания превратить данную территорию в «район осетино-ингушской дружбы», условия для возвращающихся ингушей здесь были иными, чем в переданных ЧИАССР районах. Возвращаться приходилось в занятые, заселенные села. «Неизбежной стала череда межэтнических эксцессов, хотя властям удалось сохранить обстановку стабильности. Появились, однако, ограничения на прописку в районе, куплю-продажу домовладений и т.д.» [Цуциев 1998, 75].

Таким образом, административно-территориальные изменения, последовавшие после депортации вайнахов, заложили основу для возникновения новых и нарастания существующих этнических противоречий. Некоторые из них, например осетино-ингушские, в начале 1990-х годов вылились в открытое вооруженное противостояние. Несмотря на разрешение вайнахам вернуться на свою Родину, долгосрочные последствия произошедшего оказались очень серьезными [The Cambridge History of Russia 2006, 503]. Из-за воздействия советской пропаганды и чеченцы, и ингуши в глазах других народов, в том числе осетин, воспринимались не как жертвы репрессий, а как народы помилованные, но виновные в реальных преступлениях. Клеймо «ненадежных граждан» за ними сохранялось еще очень долгое время. Очевидно, при таком отношении к вайнахам их возвращение на свои земли, в том числе Пригородный район, не могло вызвать положительной реакции.

Заключение

Завершая анализ, необходимо еще раз отметить, что депортацию чеченцев и ингушей — как и других репрессированных народов — следует рассматривать как трагическую страницу истории, преступление против человечности [Бобринёв, Костенников 2018, 11]. Политика по отношению к репрессированным народам носила весьма жесткий характер, по мнению ряда исследователей, имела сходство с режимом апартеида [Pohl 2012, 207]. Депортация и последовавшие за ней административно-территориальные изменения серьезно усилили напряженность в сфере межнациональных отношений. Недальновидное и иллюзорное «решение» проблем, возникших в середине 1940-х гг., создало в дальнейшем череду новых проблем и внутренних вооруженных конфликтов [Бобринёв, Костенников 2018, 11].

Перемещение с мест постоянного проживания нанесло тяжелый удар по репрессированным народам, в том числе по чеченцам и ингушам. Вместе с тем, несмотря на все старания лиц, причастных к трагедии 1944 г., ментально сломить и разобщить вайнахов не удалось. Напротив, перенесенные трудности лишь закалили их, сделали более консолидированными и закрытыми для внешнего воздействия. Возможно, для достижения своих целей И.В. Сталину нужно было пойти другим путем и найти беспринципного, легкоуправляемого, лояльного ставленника из числа чеченцев или ингушей, который жестокими и чудовищными методами постепенно уничтожил бы свой народ как физически, так и ментально, создав при этом в республике свой культ. Память о депортации и ее последствия стали важным фактором многочисленных столкновений на этнической почве, которые вышли на поверхность в конце 1980-х–начале 1990-х гг.

Список литературы:

- Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. М.: «Пулс», 2005.
- Бобринёв К.С., Костенников В.С. Причины депортации чеченского и ингушского народов СССР в 1944 году // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2018. № 2(15). С. 7–12.
- Исаев Ш.Т. Ингуши и осетины в составе российского и советского государства (XVIII–первая половина XX в.): к предыстории конфликта 1992 г. // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 92. С. 159–168. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-92-159-168](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-92-159-168)
- Исакиева З.С., Гайрбеков А.Я. Некоторые аспекты повседневной жизни чеченцев и ингушей в годы вынужденного пребывания в Казахстане и Средней Азии // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 11 (101). С. 74–79. DOI: [10.23670/IRJ.2020.101.11.083](https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.101.11.083)
- Козлов В.А., Бенвенути Ф., Козлова М.Е., Полян П.М., Шеремет В.И. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX–середина XX в.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
- Татаева М.У. О депортации как о самом трагичном событии в истории чеченцев и ингушей // Актуальные проблемы истории Чечни: взгляд молодых ученых. Грозный: Чеченский государственный педагогический университет, 2019. С. 146–149.
- Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы факторы развития. М.: РОССПЭН, 1998.
- Goff K.A., Siegelbaum L.H. *Empire and Belonging in the Eurasian Borderlands*. Ithaca [New York]: Cornell University Press, 2019.
- Pohl O.J. Soviet Apartheid: Stalin’s Ethnic Deportations, Special Settlement Restrictions, and the Labor Army: The Case of the Ethnic Germans in the USSR // *Human Rights Review*. 2012. Vol. 13. Is. 2. P. 205–224. DOI: [10.1007/s12142-011-0215-x](https://doi.org/10.1007/s12142-011-0215-x)
- Smetana M., Ludvik J. Between War and Peace: A Dynamic Reconceptualization of «Frozen Conflicts» // *Asia Europe Journal*. 2019. Vol. 17. P. 1–14. DOI: [10.1007/s10308-018-0521-x](https://doi.org/10.1007/s10308-018-0521-x)
- The Cambridge History of Russia. Volume III. The Twentieth Century / ed. by R.G. Suny. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

References:

- Akhmadov Ya.Z., Khasmagomadov E.H. (2005) *Istoriya Chechni v XIX–XX vekah* [History of Chechnya in the 19–20 centuries]. Moscow: Pul’s.
- Bobrinov K.S., Kostennikov V.S. (2018) The Causes of Deportation of the Chechen and Ingush Peoples of the USSR in 1944. *Problemy sotsial’nykh i gumanitarnykh nauk*. № 2 (15) P. 7–12.
- Goff K.A., Siegelbaum L.H. (2019) *Empire and Belonging in the Eurasian Borderlands*. Ithaca [New York]: Cornell University Press.
- Isaev Sh.T. (2022) Ingush and Ossetian Peoples as a Part of Russian and Soviet States (18th–First Half of 20th century): To the Prehistory of 1992 Conflict. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. № 92. P. 159–168. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-92-159-168](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-92-159-168)
- Isakieva Z.S., Gairbekov A.Ya. (2020) Some Aspects of Everyday Life of Chechens and Ingush During Their Stay in Special Settlements in Kazakhstan and Central Asia. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel’skiy zhurnal*. № 11 (101). P. 74–79. DOI: [10.23670/IRJ.2020.101.11.083](https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.101.11.083)

Kozlov V.A., Benvenuti F., Kozlova M.E., Polyan P.M., Sheremet V.I. (2010) *Vaynakhi i imperskaya vlast': problema Chechni i Ingushetii vo vnutrenney politike Rossii i SSSR (nachalo XIX-seredina XX v.)* [Vainakhs and imperial power: The problem of Chechnya and Ingushetia in the internal politics of Russia and the USSR (early 19–mid 20 century)]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).

Pohl O.J. (2012) Soviet Apartheid: Stalin's Ethnic Deportations, Special Settlement Restrictions, and the Labor Army: The Case of the Ethnic Germans in the USSR. *Human Rights Review*. Vol. 13. Is. 2. P. 205–224. DOI: [10.1007/s12142-011-0215-x](https://doi.org/10.1007/s12142-011-0215-x)

Smetana M., Ludvik J. (2019) Between War and Peace: A Dynamic Reconceptualization of «Frozen Conflicts». *Asia Europe Journal*. Vol. 17. P. 1–14. DOI: [10.1007/s10308-018-0521-x](https://doi.org/10.1007/s10308-018-0521-x)

Suny R.G. (ed.) (2006) *The Cambridge history of Russia. Volume III. The Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tataeva M.U. (2019) O deportatsii kak o samom tragichnom sobytii v istorii chechentsev i ingushey [On deportation as the most tragic event in the history of Chechens and Ingush]. *Aktual'nyye problemy istorii Chechni: vzglyad molodykh uchenykh*. Groznyy: Chechenskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. P. 146–149.

Tsutsiyev A.A. (1998) *Osetino-ingushskiy konflikt (1992-...): ego predystoriya i faktory razvitiya* [Ossetian-Ingush conflict (1992–...): Its background and development factors]. Moscow: ROSSPEN.

Дата поступления/Received: 18.07.2022